

Он осторожно, прощупывая почву, заговорил:

— Я знаю, что сейчас ты очень недоволен Цинь Фэнъянем, но на самом деле всё, что он с тобой делает — исключительно из-за любви к тебе.

Стоило Шань Ли услышать одно-единственное слово любовь, как он невольно качнул головой, являя миру свои нежно-розовые маленькие ушки.

Военный советник никак не ожидал, что брошенная наугад фраза действительно сработает, и воодушевленно продолжил:

— Иначе стал бы генерал вообще искать тебя, если бы ты сбежал?

Шань Ли высунул свою маленькую головку:

— Правда?

Советник торопливо закивал:

— Конечно, правда. Даже если ты сердишься на генерала и боишься его, ты не можешь вечно игнорировать его. Иначе что будет, если в один прекрасный день он разлюбит тебя? Он выгонит тебя из резиденции, и тогда ты больше никогда его не увидишь.

Угрожал он.

Услышав это, Шань Ли тут же сильно занервничал, его утонченное личико испуганно вытянулось. Он протянул руки, ухватился за рукав военного советника и, задрав маленькую головку, уставился на него:

— Не... не уходить.

Глядя на эти влажные от слёз глаза, военный советник почувствовал, как его сердце буквально тает. В душе у него невольно шевельнулся слабый укор совести.

Советник отвернулся, чтобы не смотреть на Шань Ли, и с горькой усмешкой продолжил обман:

— Так что, чтобы не уходить, Шань Ли, тебе ни в коем случае нельзя игнорировать Цинь Фэнъяня. Ты должен вести себя как раньше, только тогда он не прогонит тебя, понимаешь?

Видя, как Шань Ли с наивным и растерянным видом о чем-то задумался, военный советник понял, что большая часть его задания выполнена. Заметив на его руках красные следы от недавней страсти, советник выругался про себя на Цинь Фэнъяня — животное — и покинул комнату.

Генерал и впрямь был не лучше зверя, тут и сомнений быть не могло!

...

С другой стороны, стоило военному советнику уйти, как Шань Ли тут же перестал притворяться. Ощувив тупую боль внизу живота, он красиво сдвинул брови к переносице:

— Система, ты всё ещё отказываешься рассказать мне предысторию и всё, что здесь произошло?

Пока Шань Ли изображал слабоумного с интеллектом пятилетнего ребенка, ему почти не удавалось обнаружить хоть какие-то зацепки.

Цинь Фэнъянь то сверлил его исполненным ненависти взглядом, то вдруг смягчался под его влиянием — между этими состояниями неминуемо должен был крыться какой-то поворотный момент.

Однако Шань Ли никак не мог докопаться до этой отправной точки, и оттого его раздражение лишь росло.

Голос Системы прозвучал сурово и официально:

— Прошу прощения, я не могу напрямую раскрыть вам улики, правила этого не позволяют.

Напрямую нельзя, значит, можно окольными путями?

В глазах Шань Ли мелькнул лукавый огонек:

— Скажи мне, что я должен сделать, чтобы получить подсказку в обход правил?

Система на мгновение зависла, а ее голос вдруг приобрел таинственный и напыщенный оттенок:

— Мечтай.

Шань Ли: «.....»

Издеваешься надо мной? Шань Ли замер на секунду, сообразив, что она имеет в виду, улегся на кровать и принялся спать.

Подсказки, полученные через сновидение, оказались на редкость долгими и запутанными, но всё же принесли Шань Ли немало пользы.

Ему казалось, что он обнаружил нечто невероятно важное.

Настолько важное, что Цинь Фэнъянь горько пожалел бы об этом и испытал невыносимую боль.

Уголки губ Шань Ли чуть приподнялись, и он легко усмехнулся.

Система внезапно подала голос, напоминая: — Пожалуйста, Хозяин системы, следите за поддержанием характера своего персонажа, не допускайте ООС и тем более не пытайтесь выставить правду о тех событиях на всеобщее обозрение через свои действия.

— Понимаю.

Разве можно так просто обнародовать столь забавную вещь?

Если уж раскрывать правду, то нужно выбрать подходящий момент.

А потому играть свою роль всё равно придётся.

В глазах прислуживавших ему слуг он оставался всё тем же дурачком. Хотя они и не знали, какими методами воспользовался военный советник, раз Шань Ли больше не порывался бежать, но при нынешнем раскладе избежать гнева генерала уже было величайшим благом.

В этот период Цинь Фэнъянь не навещал Шань Ли, а вместо этого часто оставался ночевать в комнате Сяо Ляня.

С того самого дня по приказу Цинь Фэнъяня Сяо Ляня поселили в одной из гостевых комнат. Цинь Фэнъянь изначально планировал использовать этого Сяо Ляня, чтобы подразнить дурачка Шань Ли, однако в последнее время у него появилась одна проблема, которая не давала ему покоя. Он отчаянно хотел кое-что проверить, а потому ночь за ночью оставался в комнате Сяо Ляня.

Проверив всё в течение нескольких дней, Цинь Фэнъянь наконец осознал, что у него нет вожделения к мужчинам — желание возникало у него исключительно по отношению к Шань Ли.

Военный советник, прекрасно понимавший Цинь Фэнъяня, взвешенно и осторожно начал:

— Генерал, неужели вы влюбились в Шань Ли?

Полюбить этого дурака? Полюбить наследного принца, чьё сердце некогда было змеиным и ядовитым?

— Абсолютно исключено.

Цинь Фэнъянь тут же с презрением отверг это предположение.

Он не верил, что способен полюбить Шань Ли, а возникшее к нему плотское желание ровным счётом ничего не доказывает.

Быть может, этот юный наследник испорчен до мозга костей, а потому, даже отупев, не утратил своей соблазнительной, сбивающей с толку притягательности.

Цинь Фэнъянь даже начал злобно домысливать, какие же грязные, скрытые от посторонних глаз отношения связывали в прошлом наследного принца и Седьмого принца.

Чем больше он об этом думал, тем сильнее сжималось от раздражения его сердце, а в глазах разгорался гнев.

Заметив помрачневшее лицо генерала, военный советник испугался и попытался его остановить.

Однако удержать Цинь Фэнъяня не удалось: он быстрым шагом подошёл к постели Шань Ли и грубо схватил его за запястье.

— Вставай. Увидев Цинь Фэнъяня, Шань Ли всё ещё испытывал к нему некоторый страх, но, вспомнив слова военного советника, всё же выдавил из себя улыбку.

— Цинь, Цинь Фэнъянь.

Цинь Фэнъянь был в ярости, и оттого эта улыбка показалась ему невероятно издевательской. Он поджал губы и, грубо схватив Шань Ли за руку, вытащил его за дверь.

Шань Ли защемило руку от этого рывка, он закусил губу, но, помня наставления военного советника, не смел больше произнести ни слова.

Пункт назначения находился у мертвенно-тихой реки.

Лицо Цинь Фэнъяня помрачнело, словно железо, и он, почти не колеблясь, толкнул Шань Ли в воду.

Прежний молодой господин никогда не умел плавать, что уж говорить о нынешнем, ставшем совсем глупеньким Шань Ли. Оказавшись в реке, он вмиг пошёл ко дну, захлёбываясь водой. В ужасе он замахал руками, пытаясь удержаться на поверхности, и в упор уставился на Цинь Фэнъяня, словно взывая о помощи.

Но Цинь Фэнъянь остался абсолютно равнодушен. Он с холодной отстранённостью смотрел на Шань Ли, а уголки его губ тронула презрительная усмешка.

Прибежавший следом военный советник, увидев эту сцену, едва не лишился чувств от страха — сердце подпрыгнуло прямо к горлу. Он не раздумывая бросился в реку и вытащил Шань Ли на берег.

Добравшись до суши, военный советник не сдержался и повысил голос:

— Генерал, зачем вы столкнули Шань Ли? Неужели вы и впрямь так ненавидите его и так жаждете его смерти?

Если это так, то к чему было заставлять его ублажать Шань Ли?

Брови Цинь Фэнъяня сошлись на переносице, своеволие военного советника вызывало у него крайнее раздражение. Впрочем, наказывать подчинённого за столь незначительный проступок он не собирался, лишь помрачнел, а в голосе зазвучали предупреждающие нотки.

— С чего бы мне желать ему такой смерти?

Если тот и должен умереть, то только от его собственной руки.

Военный советник не уловил скрытого смысла его слов:

— Тогда зачем же вы...

— Он слишком грязный.

На красивом лице Цинь Фэнъяня проступило отвращение.

— Тело прежнего молодого господина было слишком грязным, вот пусть и посидит в реке, как следует отмоется.

Стоило ему вспомнить, что давным-давно Шань Ли, возможно, то и дело крутился возле других мужчин, как его начинало воротить от омерзения.

Цинь Фэнъянь холодно фыркнул и, не удостоив дрожащего от холода Шань Ли даже взглядом, зашагал прочь.

Проводив взглядом удаляющуюся фигуру Цинь Фэнъяня, военный советник вдруг поймал себя на мысли, что тот стал для него чужим.

Ему внезапно показалось, что Цинь Фэнъянь изменился, сделавшись безжалостным и холодным.

Если говорить о Шань Ли, то сколько бы страшных и греховных поступков тот ни совершил в прошлом, теперь он лишился рассудка — разве это не величайшая кара с небес? К чему генералу цепляться за былые обиды и вымещать старые счёты на глугом человеке?

Думая об этом, военный советник всё сильнее жалел Шань Ли.

Вдруг кто-то легонько потянул его за полу одежды.

— Цинь, Фэнъянь, лю, любит меня, правда?

Шань Ли наглотался воды, его изящное и миловидное личико побелело как полотно. Скукожившись и дрожа всем телом, он сидел на корточках на земле, чувствуя, как в груди вдруг защемило от тяжёлой, тоскливой боли.

Он не понимал, зачем Цинь Фэнъянь столкнул его в воду, и не постигал, почему тот назвал его грязным.

Но ведь Цинь Фэнъянь сам говорил ему тогда: любить — значит хотеть, чтобы этот человек был счастлив, хотеть быть вместе с ним и защищать его.

Шань Ли почувствовал, что дышать стало ещё труднее. Цепляясь за рукав военного советника, словно нерадивый ученик, столкнувшийся со сложной задачей и жаждущий ответа от учителя, он задрал маленькую головку, а в его глазах читались одновременно тревога и робкая надежда.

— Цинь, Фэнъянь, лю, любит меня, правда?

Заметив, что военный советник замер, Шань Ли терпеливо повторил свой вопрос.

Глядя на Шань Ли, так отчаянно жаждущего услышать ответ, военный советник не знал, что и сказать.

Шань Ли и без того досталось слишком много бед, ему не хотелось продолжать его обманывать. Но приказ есть приказ: генерал запретил ему кому бы то ни было раскрывать правду, и в особенности этому глупышу.

На миг военный советник оказался перед сложнейшим выбором.

Долго молчал, он наконец выдал из себя:

— Он действительно любит тебя.

В конце концов он решил подчиниться приказу.

Шань Ли через силу улыбнулся, долго опустив голову, а затем, бледный и преодолевая страх, снова бросился в реку.

Военный советник в ужасе схватил Шань Ли за руку, строго прикрикнув:

— Зачем ты опять прыгаешь!

— Я, грязный, — Шань Ли поднял своё наивное лицо в улыбке и, подбирая слова, заговорил медленно и с запинками, как прежде. — Шань Ли отмоется, ему понравится.

В конце концов военный советник сбежал в панике.

Он велел слугам приглядывать за парнем, а сам ушёл из резиденции генерала, надеясь спрятаться и от Цинь Фэнъяня, и от Шань Ли. Однако угрызения совести то и дело заставляли его справляться о судьбе Шань Ли.

Из рассказов слуг он узнал многое: например, что каждое утро Шань Ли ходил к Цинь Фэнъяню, а когда его, обиженного, выгоняли прочь, он отправлялся к реке принимать «омовение».

После нескольких дней таких купаний Шань Ли снова слег с высокой температурой. Лихорадочно мечась из стороны в сторону, он худел с каждым днём.

Военный советник хотел отправить генерала проведать его, но каждый раз Цинь Фэнъянь отвечал на это прямым отказом.

В глазах Цинь Фэнъяня банальный жар не стоил и ломаного гроша, к тому же в случившемся за последние дни Шань Ли был виноват исключительно сам — он его к этому не принуждал.

Узнав о позиции Цинь Фэнъяня, Военный советник почувствовал, как у него в груди похолодело.

Глядя на бесстрастное лицо Цинь Фэнъяня, он глубоко вздохнул:

— Генерал, умоляю вас, навестите Шань Ли.

Цинь Фэнъянь отложил в сторону трактат по военному делу и бросил на него косой взгляд:

— Военный советник, в последнее время ты что-то слишком уж равнодушен к Шань Ли.

Военный советник слегка опешил, в груди внезапно шевельнулось недоброе предчувствие, а спина мгновенно онемела.

И верно, в следующее же мгновение его опасения подтвердились.

Цинь Фэнъянь произнес:

— Уж не запал ли Военный советник на Шань Ли?

— Только не говори мне, что тебе просто жалко Шань Ли, — Цинь Фэнъянь усмехнулся, повысив голос. — На поле боя погибает столько жалких вражеских генералов и солдат, но я что-то не замечал сочувствия у Военного советника. С чего бы это вдруг? Стоило встретить какого-то дурака, и Военный советник тут же растаял?

По спине Военного советника покатился холодный пот. Долгие дни сомнений и попыток бежать от правды наконец рухнули в этот день. Он крепко сжал кулаки, разомкнул губы и выдавил:

— Если я скажу, что люблю Шань Ли, генерал, вы... вы отдадите его мне?

Цинь Фэнъянь рассмеялся, и взгляд, которым он окинул Военного советника, сделался ледяным.

Он сделал шаг вперед и, минуя Военного советника, бросил ему на ходу:

— Младший брат Е Чэн, впредь не смей произносить подобных слов.

Военный советник, он же Е Чэн, провожал взглядом удаляющуюся спину Цинь Фэнъяня и кусал губы.

Его прежний старший брат действительно изменился.

Стал чужим и жестоким.

Выйдя за дверь, Цинь Фэнъянь направился прямо к покоям Шань Ли.

Бесшумно проникнув в комнату, он увидел крепко спящего Шань Ли с покрасневшими щеками и пылающей кожей. Взгляд Цинь Фэнъяня мгновенно помрачнел, и он с размаху отвесил Шань Ли пощёчину.

— Дрянь.

Не рассчитав силы удара, он тут же разбудил Шань Ли, чья щека мгновенно покраснела и опухла.

Увидев свирепое лицо Цинь Фэнъяня, Шань Ли испуганно сжался в комок. Во время сна его одежда и без того растрепалась, а теперь, когда он приподнялся, нижняя сорочка соскользнула с плеч, обнажая белую, словно нефрит, половину груди.

Шань Ли от природы был красивее любой женщины, и в таком виде выглядел невероятно соблазнительно.

Зрачки Цинь Фэнъяня мгновенно потемнели, словно тушь, взгляд впился в Шань Ли, а в горле пересохло.

Он никогда не сдерживал своих желаний в отношении Шань Ли, поэтому притянул его за руку и навалился сверху.

Тело Шань Ли напряглось, он отчаянно сопротивляясь, изо всех сил стараясь оттолкнуть его.

Его яростное сопротивление и страх во взгляде лишь распаляли Цинь Фэнъяня.

Кем еще был Шань Ли, если не дрянью? Раньше, когда он его соблазнял, то был во всем покорчен, а теперь, приударив за Е Чэном, вздумал от него избавиться?

Ха, он никогда не позволит подобному случиться.

Взгляд Цинь Фэнъяня холодно блеснул, но в следующее мгновение смягчился и стал ласковым. Он погладил Шань Ли по щеке:

— Это я сорвался. Щека еще болит?

Шань Ли робко посмотрел на него и тихо кивнул.

Болит.

Цинь Фэнъянь аккуратно поправил на Шань Ли одежду, достал лучшую мазь и принялся смазывать уширенное место, после чего нежно произвел:

— Больше я никогда не позволю тебе пострадать. Поверь мне, хорошо?

Шань Ли молча смотрел на него во все глаза, не произнося ни слова.

Его молчание ничуть не разгневало Цинь Фэнъяня.

Тот вовсе не спешил — в искусстве охоты он обладал завидным терпением и ради достижения цели охотно готов был потратить время.

Поэтому в последующие дни он переложил все свои обязанности на Военного советника Е Чэна, а сам неотлучно находился рядом с Шань Ли.

Цинь Фэнъянь спрятал свое истинное лицо под маской нежности, и этот метод действительно сработал — по крайней мере, чтобы одурачить простого глупышёнку, этого было более чем достаточно.

Цинь Фэнъянь пообещал больше не причинять ему вреда.

Шань Ли поверил.

Поэтому отныне, что бы ни делал Цинь Фэнъянь, он во всем послушно подчинялся, страшась снова оступиться и вновь увидеть прежнего, пугающего Цинь Фэнъяня.

Шань Ли не ведал, что постепенно приучился к совершенно иному чувству, имя которому — крайняя осторожность.

Заметив перемены в Шань Ли, Цинь Фэнъянь остался доволен. Восседаая вум победителя, он принялся беспрерывно хвастаться перед побежденным.

Он то и дело приводил Шань Ли к Е Чэну и предавался с ним нежностям прямо на глазах у советника.

Забыв о товарищеских узах между соучениками, он видел в Е Чэне лишь соперника.

Е Чэн не мог не заметить перемены в отношении Цинь Фэнъяня, но он вовсе не собирался плести изощренные интриги ради обладания человеком, как это делал Цинь Фэнъянь.

Видя, как счастлив Шань Ли, он чувствовал себя удовлетворенным.

Ему хотелось лишь одного — чтобы Цинь Фэнъянь продержался как можно дольше, избавив Шань Ли от новых страданий.

Поэтому он желал сохранения этой идиллии сильнее кого бы то ни было.

Однако именно в этот момент небеса сыграли с ним, с Цинь Фэнъянем и с Шань Ли злую шутку.

Шань Янь — тот самый Шань Янь, о чьих поисков Цинь Фэнъянь грезил день и ночь, — наконец-то был найден!

Письмо доставили Е Чэну в тот же день.

Е Чэн, сжав тонкие губы, читал послание, а бумагу в его руках била мелкая дрожь.

До встречи с Шань Ли Цинь Фэнъяню никак не удавалось отыскать Шань Яня, но стоило лишь отношениям Цинь Фэнъяня к Шань Ли наладиться, как тот тут же нашелся.

До чего же небеса не выносили мысли о том, что Шань Ли может быть хорошо!

Е Чэн решил спрятать это письмо и приказал всем осведомленным пока не упоминать об этом Цинь Фэнъяню.

Во второй половине дня, сразу после получения весточки, он отправился к Шань Ли.

Цинь Фэнъяня рядом не оказалось, и Шань Ли в одиночестве проводил время в небольшой беседке на территории резиденции генерала.

Заметив его, Е Чэн смягчил взгляд:

— Шань Ли.

Шань Ли узнал его и, посчитав добрым человеком, озарил лицо улыбкой.

В глазах Е Чэна мелькнуло смутное выражение, и он спросил:

— Тебе нравится так жить?

Шань Ли не до конца понял его слова.

— Нравится ли тебе продолжать в том же духе, быть рядом с Цинь Фэнъянем?

— Нравится!

Уловив смысл вопроса, Шань Ли радостно зажмурил глаза, похожие на спелые ягоды винограда.

— Хорошо.

Е Чэн получил ответ.

Раз тебе нравится — и ладно.

Бросив лишь эту фразу, Е Чэн удалился. Он отправил письмо с поручением по возможности задержать Шань Яня и помешать его возвращению в столицу.

Однако даже после всех предпринятых мер Е Чэн не мог избавиться от гнетущей тревоги на душе.

Казалось, будто впереди грядет нечто ужасное.

Начиная со второй половины дня Цинь Фэнъянь куда-то пропал.

Лишь на следующий день около полудня Е Чэн снова увидел его.

Вот только рядом с ним неожиданно крутился какой-то смазливый мужчина.

У Е Чэна сердце упало. Он еще не успел расспросить подчиненных, кто этот незнакомец, как до его слуха долетел разъяренный голос Цинь Фэнъяня:

— Е Чэн, какая дерзость! Ты посмел вместе с подчиненными скрывать это от меня! Если бы я сам ничего не узнал, ты собирался вечно прятать от меня правду о существовании Шань Яня?

Е Чэн промолчал.

Именно так он и планировал поступить.

Видя его молчание, Цинь Фэнъянь рассвирепел еще сильнее.

— Похоже, ты слишком засиделся в кресле военного советника. Завтра же отправляйся в загородный лагерь и жди дальнейших приказаний.

Отправка в загородный лагерь ожидать приказаний была равносильна разжалованию до простого командира мелкого отряда.

Е Чэн сжал кулаки.

— Слушаюсь.

Заметив гнев на лице Цинь Фэнъяня, Шань Янь лукаво прищурился и мягко произнес:

— Брат Цинь, не сердись на советника. Вдруг у него были какие-то скрытые причины?

Если бы тот не напомнил, Цинь Фэнъянь даже не вспомнил бы о существовании Шань Ли.

Цинь Фэнъянь слегка опешил, а уголки его губ искривились в ледяной усмешке.

— Младший брат Е Чэн, без моего приказа тебе запрещено переступать порог резиденции генерала.

— Слушаюсь.

Опустив веки, чтобы скрыть горечь в глазах, Е Чэн развернулся и ушел. Перед самым выходом из резиденции он бросил прощальный взгляд на Шань Ли, мысленно пообещав себе:

Без меня ты непременно должен о себе позаботиться.

Увидев, что Е Чэн удалился, Шань Янь беззвучно усмехнулся. Прильнув к груди Цинь Фэнъяня,

он изъявил желание поближе познакомиться с устройством резиденции генерала.

Цинь Фэнъянь, разумеется, не мог отказать в такой малой просьбе и тут же велел управляющему проводить Шань Яня и всё ему показать.

Впрочем, мысли Шань Яня по пути были далеки от местных красот.

Лишь заметив Шань Ли, он резко остановился, а его лицо исказила злобная ухмылка.

Отослав управляющего под благовидным предлогом, Шань Янь шаг за шагом приближался к Шань Ли.

Глядя на все такое же изящное и прекрасное лицо Шань Ли, Шань Янь от зависти скривился до неузнаваемости. Его наигранная мягкость мгновенно слетела с него, превратив его в безумного злого духа.

— Дорогой братец, сколько же лет мы не виделись! Аянь никак не ожидал, что братец преподнесет мне столь роскошный подарок — заставит Цинь Фэнъяня перепутать меня с тобой. Только почему же ты до сих пор не сдох?!

<http://bllate.org/book/21501/2203391>